

# Встреча в госпитале

5

Эти заметки — об одной из фронтовых встреч — были написаны 15 лет назад, в 1943 году. Мне не хочется сейчас, задним числом, ничего исправлять в них, потому что это не столько рассказ, сколько запись в журналистском блокноте.

Проехав от Москвы около пяти-сот километров на машине то по хорошим, то по скверным дорогам, мы, наконец добрались до той маленькой деревеньки, где в прошлый приезд помещался штаб армии. Тогда здесь яростно наступали немцы. Сейчас эта деревенька — уже глубокий тыл, в ней не слышно даже самой отдаленной канонады, по ней больше не снуют «вездеходы», и стоит такая тишина, что может показаться, никакой войны вообще нет. На окраине деревни теперь вместо штаба помещается армейский полевой госпиталь.

Осведомившись о маршруте, мы уже собираемся ехать, когда к нам подходит доктор и просит зайти на четверть часа, поговорить с ранеными. Сегодня жаркий солнечный день, и тяжелораненых вынесли из домов и положили на воздухе, в тени больших деревьев. Здесь на аккуратных госпитальных матрацах лежат человек пятнадцать раненых офицеров. Большинство — артиллеристы. Двое из них москвичи, и, как всегда это делают москвичи, они расспрашивают меня о Москве, о ее жизни, о театрах. Один из них, красивый юноша с голубыми глазами и вьющимися, закинутыми назад с высокого лба волосами, расспрашивает меня о театрах особенно подробно, проявляя редкую осведомленность.

— Кем вы были до войны? — спрашиваю я его.

Он улыбается:

— Вы угадали — артистом. Я перед войной окончил театральную

школу при театре Вахтангова. Теперь, вот видите, старший лейтенант-артиллерист. Воюю уже двадцатый месяц.

— Ну, теперь вы, наверное, скоро поедете в Москву. Сами увидите последние театральные постановки.

встретитесь со старыми друзьями.

— Да, — говорит он. — Конечно, после госпиталя мне дадут отпуск. То есть, собственно, это будет не отпуск, — и он грустно улыбается, — это просто конец моей военной службы.

— А куда вы ранены?

Он вынимает из-под простыни правую руку и, протянув соседу жестянку с табаком, говорит:

— Сверни, капитан...

И ко мне:

— С тех пор как отрезали руку, все учусь одной свертывать, но пока не получается. Меня ранили, когда пробирался на наблюдательный пункт, чтобы корректировать огонь батареи. Командир взвода подвел приподнялся, немцы заметили и засыпали минами. Меня ранило в руку, а его в живот. Рядом никого не было, я его долго таскал назад. Трудно было, потому что приходилось одной рукой... Тащил, пока он не умер. Тогда я встал и пошел. У меня еще были силы идти. Рука у меня была еще не совсем оторвана, она еще держалась, и я, чтоб не мешала, засунул ее за пояс. Так и дошел. Сейчас сам удивляюсь, а тогда, горяча, почти не чувствовал боли.

Вслед за этим он начинает расспрашивать меня о положении на фронте, и чувствуется, что он еще всей душой там, где сейчас наступает его полк.

— Мы, артиллеристы, все еще бредим своими орудиями, никак не можем привыкнуть к тому, что они далеко от нас, так что по но-

чам, — и он, усмехаясь, кивает на рядом лежащего капитана, — у нас в палате можно иногда услышать артиллерий-

ские команды: «Батарея, огонь!» и разные энергичные выражения, которыми, бывает, артиллеристы сопровождают перелет или недолет. Вот сегодня капитан меня разбудил: он во сне все сердился на какого-то Волкова и все требовал, чтобы перенесли огонь левее.

— Будет, будет тебе, — возражает капитан, — у меня и Волкова-то никакого не было в дивизионе.

— В дивизионе не было, а во сне был. Вы скоро вернетесь в Москву? — обращается ко мне старший лейтенант.

— Недели через две.

— Если увидите кого-нибудь из моего театра, обязательно передайте им от меня привет. Хорошо?

— Непременно.

— Скажите им, что я со своими орудиями, как мог, мстил фашистам за все вообще и как бывший артист, в частности, за здание нашего театра, которое они разбомбили в Москве. Так и передайте. Впрочем, я, наверное, сам все-таки скоро попаду в Москву. Знаете, даже как-то странно представить себе, что опять буду сидеть в зале и смотреть спектакль или репетицию. Наверное, когда туда попаду, в первый раз за всю войну расплачусь. А может быть, и нет...

— Возьми, свернул тебе, — говорит ему капитан.

— Спасибо.

Бывший артист закуривает папиросу и, выпустив несколько колец дыма, долго, задумчиво глядит в небо. У него грустное и вместе с тем воодушевленное лицо — лицо талантливого человека, и мне в эту секунду кажется, что, может быть, когда-нибудь, хотя у него и нет руки, этот человек, видевший жизнь в ее самых великих и трудных проявлениях, сможет замечательно сыграть в какой-нибудь пьесе о войне.

— Товарищ подполковник, —

обращается он ко мне. — Вы сейчас в армию?

— Да, — говорю я.

— Вы, очевидно, поедете через станцию Поньри?

— Очевидно, поеду.

— Там за станцией, на горке, стоят десятки полтора сожженных «тигров» и «фердинандов». Так вот, те два, что левее, у самой дороги, это работа моей батареи. Если поедете мимо, посмотрите!

Я чувствую, что ему действительно хочется, чтобы я посмотрел на его работу, и обещаю непременно сделать это.

Если я хочу добраться сегодня засветло до штаба армии, то пора ехать; мы садимся в машину. Когда мы подъезжаем к станции Поньри, то действительно на пригорке еще издали видны громадные остовы сожженных и разбитых немецких танков и самоходных орудий. Слева, у самой дороги, стоит самоходное орудие «фердинанд», наверное, то самое, о котором мне говорил артиллерист. Это огромная машина, сделанная тяжеломерно и неуклюже, склепанная из толстых плит. Но броневой стальной снаряд пробил ей бок, и она сгорела. Вон оно, то небольшое отверстие, которое осталось от снаряда, в него даже не просунешь кулак. А между тем именно этот снаряд привел в негодность всю эту железную громаду «Фердинанд» — остановился у самой дороги, среди несжатого поля ржи. Сейчас кругом него женщины из соседней деревни жнут рожь и складывают ее в снопы. В этой картине есть что-то символическое: железное чудовище, попиравшее своими гусеницами эту землю и окончившее на ней свой земной путь, и женщины, которые вокруг него спокойно жнут рожь. Они могут это делать только потому, что эту машину разбил тот юноша с детскими голубыми глазами и вьющимися волосами — юноша, которому, наверное, уже никогда не удастся стать артистом, но который уже стал героем.

Константин СИМОНОВ.

Советской Россия

23 апр. 1958 год.